результатов. И с этой точки зрения В. Ганка вынужден был отдать предпочтение «латино-славянской транскрипции».

«Я охотно предложил бы „Игоря“ чехам кирилловскими письменами, но я опасался, что не достигну этим своей цели: в слове важнее всего звук, а я желал иметь более широкую публику, чем несколько читающих по-русски чехов, поляков и хорватов», — писал В. Ганка.[24] Интересно, что в 1851 г. В. Ганка собирался издавать «Слово» уже по-русски (в 1836 г. «Слово» было издано в Праге кириллицей вместе с Краледворской рукописью).[25]

Вторая задача, поставленная В. Ганкой, — показать «маленькую разницу (славянских, — *А. П.*) наречий между собою» — определила его метод перевода: он старался как можно чаще сохранить русское звучание.

Сравнение переводов И. Юнгманна и В. Ганки вполне подтверждает это. Следует упомянуть, что Ганка, вероятно, пользовался переводом Юнгманна. Эту мысль высказал В. А. Францев на основании того, что исправления и приписки, совпадающие с замечаниями и чтениями Юнгманна, сделаны в «Сочинениях» Шишкова рукой В. Ганки и относятся ко времени, более позднему по сравнению с тем, к которому принадлежит перевод Юнгманна. При всем сходстве этих двух переводов можно заметить, что В. Ганка значительно более связан оригиналом, чем И. Юнгманн.

Стремление сохранить всюду русское звучание привело В. Ганку к анекдотическому случаю: слова «Игорь князь» в предложении «Тогда вступи Игорь князь в злат стремень...» В. Ганка переводит созвучным сочетанием «Jgor kněz». Однако и в современном чешском языке, и во времена В. Ганки слово kněz значило ксендз, священник. Правда, в древнечешском языке оно означало «князь», но постепенно было заменено словом «kuíže», первоначально обозначавшим «сын князя». Чехом первой половины XIX в. оно никак не могло восприниматься в значении «князь». Сам Ганка в других случаях употребляет «kníže»: «Spala knížeti mysl žadost, i žalost jemu znamení zastoupila, zkusiti Donu velikého». Буквальное следование тексту заставило В. Ганку слово «пълк» всюду переводить чешским «pluk», однако «pluk» только «полк», но не «поход» (эта ошибка встречается и у Юнгманна: «...pověstí o pluku»).

В связи с приведенным выше замечанием И. Юнгманна, где он сожалеет об утрате чешским языком слова «chrabrý», интересно отметить, что В. Ганка употребляет его в переводе без всякого объяснения. В заметке же по поводу «Слова», напечатанной в журнале «Krok»[26] в год выхода в свет перевода, в значении «храбрый» В. Ганка употребляет то же слово, что и Юнгманн: «srdnatý (Vsevolod vypodobňuje svoje srdnaté vítěze)». Вообще лексика этого пересказа «Слова» — он составлен в выражениях, близких к переводу, — вполне чешская.

В. Ганка употребляет иногда грамматические формы, не свойственные чешскому языку: вместо «jsi» — личное местоимение 2 л. ед. ч. — «jesi», вместо «Rusové» (как у Юнгманна) — «Rusici». Число этих примеров можно значительно увеличить.

Чтения В. Ганки почти всюду совпадают с чтениями И. Юнгманна; основные расхождения: у И. Юнгманна — «не лепо ли ны» (как в первом издании), у Ганки — «не лепо ли бы», у Юнгманна — «лучеж вы» («lépe vám), у Ганки «лучеж ны» («lépet'nám»). Примечательна эта общая

[24] В. А. Францев. Очерки по истории чешского возрождения Варшава, 1902, стр. 82

[25] Polyglotta Kralodvorského rukopisu. Vydání Václava Hanky. V Praze, 1852.

[26] Krok, D. I, č1, 1821, стр. 81—85.